

Фань Бяоцзянь бросил лишь один взгляд — и по его спине тут же побежал холодный пот.

Кто-то каким-то образом раскопал дело о взятке на его давних экзаменах!

Глядя на распростертого на полу Фань Бяоцзяня, который трясся, как осиновый лист, и на две петиции с обвинениями против него, лежавшие рядом, сообразительные чиновники уже всё поняли. Император явно разыграл с Вэй Шуангэ спектакль по принципу «черепаха в кувшине».

Они уже давно расставили сети, ожидая, пока Фань Бяоцзянь сам в них прыгнет!

Некоторые мысленно порадовались, что минуту назад не последовали за остальными, чтобы пнуть Вэй Шуангэ.

Вэй Шуангэ вытянул шею, всматриваясь в слова на меморандуме, и тихо пробормотал:

— Почерк какой-то незнакомый, да к тому же безобразный.

Имя и вовсе было написано столь неразборчиво, что и не разобрать. И пусть он понятия не имел, кто автор, но эту петицию подали поистине вовремя.

Вэй Шуангэ говорил тихо, но сидевший ближе всех Гу Чибо расслышал каждое слово.

Гу Чибо взял чашку чаю, якобы чтобы сделать глоток и скрыть смущение: даже те иероглифы, что он написал левой рукой, выглядели куда приличнее, чем эта куриная лапа, которой царапал Вэй Шуангэ.

При Династии Юй утренние доклады проходили раз в два дня, и Вэй Шуангэ не знал, что позавчера вечером, сразу после того как он вошел во дворец, Гу Чибо последовал за ним.

Прошлой ночью Гу Чибо проник во дворец по тайному ходу, прихватив с собой петицию с обвинениями против Фань Бяоцзяня.

Возможные сценарии на сегодняшний день Вэй Шуангэ заранее обговорил с Императором.

Гу Чибо же тщательно всё обдумал, перебрал даже те варианты, которые они упустили, и заранее подготовил ответные меры.

Требовалось не просто наказать Фань Бяоцзяня: раз уж сети были закинута, грех было не выловить побольше рыбы.

При покойном императоре при дворе царил полный кавардак, а партия честных чиновников

была слишком слаба и лишена влияния, чтобы кто-то считался с их мнением.

Случаи мошенничества на имперских экзаменах происходили постоянно, и лишь когда ученые муки поднимали слишком много шума, власти для вида хватали нескольких бесправных бедолаг на заклатие.

Тому, что Гу Чибо сумел в такой обстановке занять первое место на экзаменах, способствовало не только его собственное дарование.

Куда важнее было то, что за его спиной стоял клан Гу из Цзяннани. Экзаменаторы того года, когда он сдавал экзамены, не посмели мухлевать с работами кандидатов, и именно этот выпуск подарил государству по-настоящему талантливых людей.

— Подожди-ка, взятка на экзаменах... Вот оно что! А я-то всё думал, почему ты такой невежественный и бездарный, оказывается, ты и впрямь пустышка, — внезапно прозрел Вэй Шуангэ. Совершенно не заботясь о судьбе Фань Бяоцзяня, он с неподдельным интересом предложил: — Господин Фань, может, сочините стихотворение прямо под нынешние обстоятельства? Если напишете хорошо, так и быть, я попрошу за вас перед Его Величеством.

Это ж надо было додуматься — заставлять слагать стихи человека, у которого в голове пусто.

Если уж кто и умел язвить изощреннее всех, так это Вэй Шуангэ.

Впрочем, Фань Бяоцзянь все эти насмешки заслужил сполна.

Император подал голос:

— Фань Бяоцзянь, тебе есть что сказать в свое оправдание?

Стиснув зубы, Фань Бяоцзянь ответил:

— Ваше Величество, ваш слуга никогда не совершал подобного! Это чистой воды клевета со стороны Вэй Шуангэ!

Вэй Шуангэ принялся согласно кивать:

— О да-да-да, конечно-конечно! Вы, господин Фань, кристально честны и обладаете невероятным литературным талантом, вы просто сошедший с небес дух созвездия Вэньцзюй!

Гу Чибо неожиданно произнес:

— Господину Фалоню достаточно лишь в общих чертах пересказать экзаменационные темы тех лет и написанное им тогда эссе, чтобы доказать свою невиновность.

Император приказал:

— Полноте, ведите сюда архивы с теми экзаменационными работами.

Тогда Фань Бяоцзянь щедро заплатил всем причастным как внутри экзаменационной павильона, так и за его пределами, заранее узнав все темы.

А само эссе он заблаговременно заказал за деньги другому человеку, после чего спрятал бумагу во внутреннем кармане одежды и пронес внутрь.

О каком пересказе эссе могла идти речь, если он даже тем не помнил!

— Ваше Величество, ваш слуга уже стар, дела минувших дней помню с трудом.

Император обратился к нескольким сановникам, которые были значительно старше Фань Бяоцзяня, с вопросом, помнят ли те темы своих экзаменов и содержание собственных работ.

Кто-то из министров ответил незамедлительно, а кто-то, немного подумав, тоже дал точный ответ.

Вэй Шуангэ язвительно протянул:

— С такой-то памятью и познаниями, господин Фань, как у вас только хватает совести столько лет протирать штаны в Палате цензоров и не подавать в отставку по собственному желанию?

Раз уж стар и бестолков, нечего занимать чужое место. В народе такое поведение называют...

Гу Чибо легко хлопнул Вэй Шуангэ по руке.

Вэй Шуангэ недоуменно уставился на него:

— Ты чего меня бьешь?

Гу Чибо холодно заметил:

— Мы в зале суда, попрошу господина Вэй следить за выражениями.

Вэй Шуангэ подумал про себя, что ему-то где угодно можно не следить за выражениями.

Он с усмешкой парировал:

— Я ведь еще даже не вышел замуж за тебя в клан Гу, а господин Гу уже принялся укрощать мои слова и поступки?

Гу Чибо ответил:

— Раз ты так говоришь, пусть будет так.

Императорский нрав непредсказуем: сейчас государю плевать на то, что Вэй Шуангэ пренебрегает этикетом и ведет себя столь вольно, но кто поручится, что в будущем он не воспользуется этим, чтобы обвинить его в преступлении.

Вэй Шуангэ широко распахнул свои чуть прищуренные глаза, и голос его невольно взлетел на пару тонов выше:

— Ты и впрямь собрался меня воспитывать?!

Император обмакнул кисть в тушь и вступился за Гу Чибо:

— А что не так с тем, что цыплёнок Гу поучает тебя? Я велел тебе выйти за него замуж именно для того, чтобы ты перенял у него манеры благородного мужа, а не слонялся целыми днями с непотребным видом.

Вэй Шуангэ застыл с каменным лицом, полным немого укора. Когда он, прорываясь с копьём наперевес, штурмовал дворцовые ворота, император распевал совсем другое: «Словно алая радуга пронзает небеса, бог войны во плоти!»

А стоило ему после чарки вина показать пару приемов с копьём, как монарх восхищался: «Равных в боевых искусствах нет, сколь отважен и лих!»

Как же вышло, что не прошло и двух лет с восшествия на престол, как тот же монарх нашел его вечное легкомыслие неуместным?

Вэй Шуангэ смертельно обиделся. Он с размаху уткнулся лицом в грудь Гу Чибо и завыл:

— Ой-вей, от слов Его Величества сердечко вашего покорного слуги кровоточит!

Гу Чибо замер с поднятыми руками, выглядя донельзя растерянным — казалось, столь

неожиданный выпад Вэй Шуангэ застал его врасплох и он совершенно не представлял, как реагировать.

— Пфф! — министр ритуалов, слишком долго просидевший на заседании и испытывавший жажду, попытался сделать глоток чая, чтобы промочить горло, но после выходки Вэй Шуангэ выплюнул всё обратно. Он тут же забормотал: — Ваше Величество, ваш слуга потерял лицо.

Опомнившись, Император махнул рукой:

— Ничего страшного, я и сам чуть не поперхнулся.

И что только Гу Чибо нашел в этом Вэй Шуангэ?

Не то чтобы он хотел сказать о Вэй Шуангэ что-то дурное, просто тот порой отчебучивал такое, что впору потерять дар речи.

Судя по министру ритуалов, забрызгавшему всё чаем, и другим сановникам, подавившимся сладостями, это было очевидно.

— Господин Вэй, — Гу Чибо положил руку на плечо Вэй Шуангэ, — встаньте же.

Почувствовав, как тело Гу Чибо напряглось до предела, Вэй Шуангэ из вредности обвил руками его талию и потерся макушкой:

— У меня душа ранена, не могу встать.

Император тихонько усмехнулся про себя: эти нежности Вэй Шуангэ были как нельзя по душе Гу Чибо.

А сам Гу Чибо тот еще притворщик — наверняка в душе уже цветет и пахнет от счастья.

Нашелся среди чиновников и тот, кому претила подобная манерность. Один из сановников презрительно фыркнул:

— Кривляется, как базарная баба!

Вэй Шуангэ поднял голову:

— Ох, позвольте полюбопытствовать, господин Сюй, вас родила женщина или мужчина?

Господин Сюй опешил:

— Разумеется, моя матушка. Разве господин Вэй хоть раз видел рожающих мужчин?

Вэй Шуангэ с озадаченным видом протянул:

— Тогда с чего это господин Сюй отзывается о женских манерах с таким презрением? Я-то уж было подумал, что вас отец на свет произвел.

Покраснев до кончиков ушей, господин Сюй взъярился:

— Я имел в виду, что ты, взрослый мужик, кривляешься и ломаешься, словно бабёнка! Позоришь фамильную честь клана Вэй!

Император заметил, как у Гу Чибо и Вэй Шуангэ синхронно изменились взгляды.

Ого.

Сейчас будет представление.

А после того как они досмотрят спектакль, можно заодно окончательно разобраться и с Сюй Цзайсы.

<http://bllate.org/book/22350/2341965>